

Смятение охватило души придворных: император заболел и о его состоянии ничего неизвестно, дворцовая охрана выволокла из покоев совершенно несопротивляющегося, да ещё и с окровавленным лбом наследника престола. Раздался оглушающий грохот, который в зимнюю стужу больше напоминал раскат грома, и чиновники, охранявшие покои Его Императорского Величества, в тот же миг побледили, боясь, что Небо вот-вот обрушится на их головы.

Охранники поклонились и отступили назад, позволяя замёрзшим от ветра чиновникам окружить Юн Шаня. Большинство людей не осмелились шуметь, лишь с почтением и осторожностью наострили уши в попытке уловить всё, что говорит наследный принц. Только иногда несколько смельчаков раскрывали рты, чтобы вскоре закрыть их, не в силах вымолвить и слова.

— Ваше... Ваше Высочество?

— Во дворце...

— Его Императорское Величество...

Юный наследник престола долгое время стоял неподвижно. Ужасный холодный ветер, что обдувал его лицо, привёл Юн Шаня в чувства. Вскоре юноша поднял ясный, острый взгляд и медленно обвёл им всех присутствующих.

Его тёплые и слегка печальные глаза сейчас были полны такой мощи, которая, казалось, могла успокоить всех чиновников.

Окинув взором притихших людей, Юн Шань сдержанно и отстранённо проговорил:

— У Его Императорского Величества лёгкое недомогание, его уже осмотрел придворный лекарь Чэнь, и сейчас отец-император отдыхает. Господа государственные чиновники, у каждого из вас есть дела, не терпящие отлагательств. Так что ступайте и займитесь ими, не стоит тут стоять и ждать. Как только Его Величеству станет легче, вы снова придёте и справитесь о его здоровье.

Юн Шань говорил низким тоном, однако даже сквозь ту невозмутимость, что была раньше на его лице, проступала едва заметная и терзающая его душу печаль.

Одного взгляда на юного принца было достаточно, чтобы толпа невольно почувствовала облегчение. Натянутые нервы слегка успокоились и расслабились.

Кто-то тихо обратился к Юн Шаню:

— Ваше Высочество, Ваш лоб, знаете или нет, но...

— А-а. — Юн Шань поднял руку и коснулся лба. Юноша погладил замёрзшую и твёрдую кожу, но не почувствовал боли. Вероятно, от холодного ветра кровь быстро остановилась и не испачкала кончики пальцев. После этого Юн Шань, горько улыбаясь, проговорил: — Я хотел остаться в покое, чтобы ухаживать за Его Величеством, но мне не позволили. Я ушибся, когда кланялся во второй раз. Во дворце каменный пол, ха, я на какое-то время утратил самообладание и теперь стал посмешищем...

— Нет-нет, отец и сын связаны душой.

— Наследный принц действительно глубоко почтительный.

Юн Шань был обеспокоен. У него не было времени слушать оханье толпы. Юноша поднял взгляд к небу и увидел тяжёлые тучи, которые заволокли солнце, снег больше не сыпал, но холод по-прежнему не отпускал, становясь все крепче с каждой минутой.

В этот момент юноша не знал, куда идти.

Вернуться во дворец наследного принца? Встретившись с Юн Ци, какое решение он должен принять? Юн Шань знал, что должен что-то сделать, но ему нужно было время, чтобы всё взвесить. Его сердце было словно объято огнём. Юноша понимал, что не стоит выносить решения, как следует их не обдумав. И пока он не решит, как поступить, с Юн Ци лучше не встречаться.

Во дворце же матушка Шу в ожидании новостей не находит себе места, словно муравей, попавший на горячую сковороду.

Юн Шань подсознательно понимал, что если он сейчас отправится к матушке, то она может снова озадачить его вопросами, что добавит ещё больше хаоса в его разум.

Он молча стоял перед дверью императорского дворца, на лице появилась тень грусти, которая была большой редкостью. Не зная, о чём в данную минуту думает Юн Шань, многие подумали, что он обеспокоен из-за болезни отца-императора. С губ сорвался очередной

вздых, но уходить юноша так и не решился. Это была отличная возможность показать свою преданность будущему императору, и поэтому несколько министров, пораскинув мозгами, молча составили компанию Его Высочеству в эту зимнюю стужу. Застыв на мгновение, придворный лекарь Чэнь сдвинулся с места и приблизился к Юн Шаню. Увидев на лбу наследного принца следы крови, мужчина невольно испугался. Лекарю Чэню пришлось отодвигать одного придворного за другим, прежде чем ему удалось протиснуться сквозь толпу. Подойдя ближе к Юн Шаню, мужчина старческим голосом проговорил:

— Зачем Наследный принц стоит на ветру? Погода такая холодная, у Вас ещё и кровь на лице. Позвольте Вашему презренному слуге обработать рану.

Лекарь Чэнь попросил Юн Шаня пройти в маленькую комнату, что находилась во внутреннем коридоре.

Эта комната, конечно же, специально была подготовлена для придворного лекаря Чэня, который всю ночь не покидал дворца, присматривая за императором. В печи всё ещё горел древесный уголь, а в самой комнатке были приготовлены мази, снадобья и хлопковая

ткань. Так как это предназначалось Огненному императору Янь-ди, то, естественно, всё было сделано из лучших материалов.

Лекарь Чэнь приказал всем слугам, что помогали заботиться об императоре, выйти из комнаты, после чего попросил Юн Шаня присесть и, налив самостоятельно тёплой воды, помог Его Высочеству промыть и смазать мазью рану. Юн Шань молча позволил старому лекарю обработать его лоб. Лицо юноши было словно вырезано из жадеита[1] — без единой эмоции и совершенно не меняющееся, даже боль не искажала его. Открыв тёмные словно смоль глаза, Юн Шань внимательно наблюдал за тем, как старый лекарь набирает воду,

протирает рану и открывает коробочку с целебной мазью.

— Придворный лекарь Чэнь. — внезапно проронил Юн Шань, прерывая застывшее молчание.

— Ваше Высочество.

В глазах Юн Шаня промелькнул странный блеск. Спустя некоторое время, глядя на этого престарелого слугу, юноша изысканно-непринуждённым тоном спросил:

— Эта рана долго будет заживать?

Придворный лекарь ласково посмотрел на наследного принца и неспешно проговорил:

— Ваше Высочество, что Вы такое говорите? Ваше Высочество ещё очень молод, через несколько дней от этой ранки не останется и следа. Ваш презренный слуга осмелится кое-что сказать — Ваше Высочество здоров и крепок телом. Вы даже крепче и здоровее императора в его молодые годы.

— А шрам останется?

— В зависимости от...

— В зависимости от чего?

Пока лекарь Чэнь отвечал на вопросы Юн Шаня, его руки ни на секунду не останавливались. В безупречности обладая искусством врачевания, мужчина вытирал со лба кровь, втирал в рану

лекарственную мазь и равнодушно отвечал на вопрос:

— В зависимости от того, как Вы будете за ней ухаживать. Если будете её часто обрабатывать, смазывать, то и шрама не останется. Ваше Высочество, ни в коем случае нельзя её чесать. Если не будете следовать моим советам и начнёте чесать, то может остаться маленькое вздутие, похожее на прыщик.

Юн Шань посмотрел очень глубоким взглядом на мужчину, уголки губ медленно изогнулись в улыбку, и красивое лицо стало невероятно нежным и ласковым.

Наследник престола будто почувствовал облегчение, стал спокойнее, чем был до этого, и, словно говоря о незначительных мелочах, спросил:

— Я часто вижу Вас во дворце, но никогда не мог подойти к Вам и просто поговорить. Сколько у Вас детей?

— У меня нет детей.

— Почему?

— Ха-ха, Ваш презренный слуга по молодости был слишком безрассуден. У него была одна жена и четыре наложницы, однако... — Лекарь Чэнь насмешливо улыбнулся и проговорил: — Моя родная кровь и плоть получилась очень слабой. Третья наложница с большим трудом родила мне сына, который не дожив и до двух месяцев, скончался.

Юн Шань опечалился и тяжело вздохнул.

Придворный лекарь Чэнь тоже ненадолго погрузился в мысли, но потом его морщинистое лицо вновь расплылось в улыбке, и мужчина произнёс тоном человека, который многое повидал на своём жизненном пути:

— Такова жизнь. На самом деле, если так хорошенько подумать, то кто знает, может, оно и к лучшему. Разве сердце родителей не разобьётся от того, что их ребёнок станет требовать расплаты за прошлое, а? Родители дарят жизнь малышу, чтобы в дальнейшем окружить его заботой. Когда он дышит, они боятся, что с ним случится беда, они всю свою жизнь посвящают ему, оберегают его благополучие. Но стоит лишь прикрыть глаза, как дом тотчас же переворачивается вверх дном — главная жена, младшая жена, сын от старшей жены, сын от младшей жены, сыновья и дочери, все члены семьи начинают драться, ломать друг другу кости и разбивать всё в пух и прах. Увы, чем больше состояние семьи, тем больше досады и огорчения. Быть человеком нелегко.

Юн Шань ничего не ответил, медленно перебирая в душе всё то, что рассказал старый слуга. Юн Шань словно пережёвывал слова лекаря, будто те были большой горстью маленьких белых

маслин.[2]

Спустя долгое время, юноша улыбнулся и равнодушно ответил:

— Да, нелегко.

Придворный лекарь Чэнь помог ему вытереть лекарственную мазь, перебинтовал рану марлей, наказал не мочить, не забывать делать перевязки, и, ковыляя, удалился.

Стоило Юн Шаню покинуть тёплую комнату, как ветер тотчас же обдал лицо колким морозом, заставляя того слегка нахмурить брови. Юноша уже подумал, что не стоит самому искать неприятности и Матушку Шу, лучше всего вернуться во дворец наследного принца.

Чан Дэфу видел, как рано утром Его Высочество вместе с Юн Линем спешно покинули дворец и отправились к Огненному императору Янь-ди. Но когда Юн Шань вернулся обратно с перебинтованной головой, слуга побледнел от ужаса. Быстро следуя за своим

господином, Чан Дэфу не осмелился засыпать наследного принца вопросами, вместо этого слуга всю дорогу слегка зависал в поклоне.

Почти все придворные слуги, увидев управляющего в таком положении, разумеется с осторожностью опустились на колени, проявляя тем самым заботу.

Юн Шань прошёл в кабинет, сел за стол и, взяв чашечку горячего чая, сделал пару глотков. Взгляд его бездонных чёрных глаз упал на входную дверь, сам же юноша тихо застыл на какое-то время. Наконец придя в себя, он увидел фигуру Чан Дэфу, мягко улыбнулся и спросил:

— Ты так смотришь, что, призрака увидел? Юн Ци ещё не проснулся?

Услышав голос Юн Шаня, Чан Дэфу тихо с облегчением вздохнул, приблизился к юноше и с улыбкой проговорил:

— Его Высочество Юн Ци только что проснулся, уже причесался и умылся. Ваш слуга, увидев, какой сегодня холодный день, попросил его не выходить на улицу, а остаться в тёплой комнате и почитать какую-нибудь книгу. Я попросил его ещё чем-нибудь себя занять до возвращения Вашего Высочества наследного принца.

— Есть что-нибудь перекусить?

— Есть, только сейчас приготовили. Еда всё ещё тушится на печке, в...

— Хватит. Я задал тебе только один вопрос, а ты мне столько всего наговорил. Незачем мне о

курином пухе и чесночной шелухе рассказывать. — Холодно прервал слугу Юн Шань и задумчиво спросил: — Он в комнате?

— Да.

Больше не обращая внимания на Чан Дэфу, Юн Шань поднялся с места и отправился в комнату, где совсем недавно он с Юн Ци предавался самым сладким мгновениям в своей жизни.

В комнате было тепло, как весной.

Похоже, что шторы на окне и двери поменяли на двойные. Как только Юн Шань вошёл, его окутало тепло, словно он погрузился в горячую воду.

Спиной к входной двери на длинной отапливаемой лежанке, сверху которой была расстелена толстая циновка, полулежал Юн Ци и читал книгу. Почувствовав, что дверь открылась, впуская морозный воздух, юноша обернулся.

Как только Юн Ци увидел, что Юн Шань вернулся, в его глазах сразу появилась радость. Но в одно мгновение его взгляд сменился с радостного на изумлённый, а сам юноша открыл рот, словно собирался что-то спросить. Юн Шань очень хотел услышать голос Юн Ци, но тот закусил губу, не произнёс ни слова и, покрывшись румянцем, отвернулся, делая вид будто сосредоточенно читает.

— Что читаешь? — Юн Шань снял с себя соболью безрукавку, подошёл сзади и заглянул через плечо старшего брата.

Юн Ци, по-видимому, вспомнил, что они делали вчера ночью, и не осмелился смотреть в глаза Юн Шаню. Услышав вопрос младшего брата, юноша лишь закрыл книгу, позволяя тому прочесть то, что написано на обложке.

Юн Шань рассмеялся и мягко проговорил:

— Старший брат действительно очень трудолюбив, даже в лютую стужу, стойко перенося ветер и иней, читает Лао-цзы и Чжуан-цзы.

Спокойствие Юн Шаня позволило Юн Ци расслабиться и почувствовать себя непринуждённо, а не скованно, как это было поначалу.

— Здесь очень тепло, откуда тут ветер и иней? — Голос Юн Ци звучал мягко и по-прежнему мелодично. — Я не знаю, в каком часу вновь придёт наставник Ван и когда начнутся занятия, поэтому заранее решил подготовиться к уроку, иначе я не смогу ответить, если он о чём-то спросит. — Юн Ци внезапно обернулся, изогнувшись, и спросил

Юн Шаня: — Что случилось с твоим лбом?

Юн Шань не стал углубляться в подробности:

— Скоро это пройдёт, примерно через три или шесть дней. Эта рана не такая серьёзная, как была на ноге. Шея старшего брата не болит? — Спросил юноша, касаясь нежной и белой шеи Юн Ци.

Юн Ци боялся щекотки, поэтому сжался, пряча заливающуюся алым цветом шею:

— Не надо, это непристойно.

— Мы занимались более непристойными вещами, а ты испугался такого лёгкого прикосновения? — Юн Шань двусмысленно улыбнулся. Его взгляд опьянял, и любой человек не в силах был ему сопротивляться. Теперь же этим будоражающим взглядом он смотрел на Юн Ци. С натянутой улыбкой Юн Шань медленно приблизился, уселся на отапливаемую лежанку и, потихоньку прижимаясь к Юн Ци, прошептал: — Сколько раз старший брат позволил сделать это вчера вечером? Я сначала считал, а потом так увлёкся, что из головы всё вылетело.

Юн Ци не осмелился встретиться с пылающим взглядом Юн Шаня, от которого сердце начинало трепетать. Чувствуя неловкость, юноша отвернулся, пряча лицо. Лёгкие прикосновения мягких пальцев, которые медленно и нежно скользнули по шее, заставили Юн Ци вспомнить о бесконечных ласках и удовольствии, что дарил ему Юн Шань.

Юноша задрожал и, стиснув зубы, затаил дыхание.

— Старший брат обещал написать мне слово? Написал? — Приблизившись к ушку, шептал Юн Шань.

— Угу.

— Где? Покажи мне.

Юн Ци наконец-то обернулся и, неестественно вытянув палец, указывая на шкафчик, что стоял у изголовья кровати, прошептал: — Я принесу тебе.

Юн Ци хотел воспользоваться случаем и вырваться из объятий младшего брата, но тот разгадал его замыслы.

Обняв его, Юн Шань припал к губам Юн Ци в страстном поцелуе:

— Не стоит утруждать старшего брата, я сам сейчас возьму.

Встав с места, Юн Шань подошёл к шкафчику и взял лежащий на нём белый свиток. Больше всего боясь, что Юн Ци может исчезнуть, Юн Шань поторопился вернуться и сесть в первоначальное положение. Обняв одной рукой старшего брата, второй рукой Юн Шань медленно разворачивал свиток на толстой подстилке и мягко со смехом произнёс:

— Старший брат позволил мне прочесть то, что написал, а это такое редкое счастье. Но нельзя писать так небрежно, одно начертание получилось не очень хорошо, нужно всё заново... — Юн Шань осёкся, а на улыбающимся лице появилась тень страха.

Юн Ци действительно не мог писать как попало, он вкладывал много стараний в эти строки.

На рисовой бумаге превосходного качества чёрной тушью большими буквами было написано два слова «совершенномудрый бесчеловечен».

Юн Ци почувствовал, как сидящий рядом Юн Шань резко застыл, и его сердце невольно сжалось в груди. Повернув голову, юноша посмотрел на младшего брата и, испытывая беспокойство, озадаченно спросил:

— Записка получилась некрасивой?

Но Юн Шань не проронил ни слова.

Юн Ци, увидев его лицо, ни с того ни сего задрожал от страха. Его руки и ноги перестали слушаться, а самому юноше захотелось убежать и спрятаться. Но Юн Шань рукой, которая была словно отлита из чугуна, крепко обвил талию Юн Ци, не позволяя тому даже сдвинуться с места. Наследный принц вглядывался в написанное, но вскоре вновь медленно растянул губы в улыбке и спросил:

— Каллиграфия старшего брата разумеется очень красивая. Но почему старший брат решил написать мне именно эту фразу?

Юн Ци колебался, он не знал, мог ли доверять своему брату. Он с мгновение посмотрел на Юн Шаня. После чего вернулся вновь к книге и притворился, что внимательно её читает, как бы между делом говоря:

— Я не знал, что написать и начал искать в книге. Пролистав пару страниц, я выбрал эту фразу и сразу же её написал. Если она тебе не нравится, я могу выбрать любое слово из «Мэн-цзы» [3] и снова написать его тебе.

Юн Шань прыснул со смеха:

— Нет, не надо. «Мэн-цзы» слишком кислая и надменная вещь. В наказание старший брат напишет четыре слова «счастливая пара соединённая Небесами».

Примечание:

[1] Жадеит популярен у многих народов мира. Внешне он похож на нефрит, но имеет иное химическое строение. Он встречается реже нефрита и ценится больше него.

[2] В оригинале эти оливки называют канариум белый - это довольно расплывчатое описание бесчисленных сортов китайских оливок. Их насчитывают более 80 видов.

[3] Трактат, входящий в конфуцианский канон.

<http://bllate.org/book/13372/1189579>